

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

«ЧЕТВЕРТЫЕ СЕРГЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» НА КАФЕДРЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА МГУ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

28—30 января 1985 г. на кафедре истории древнего мира исторического факультета МГУ состоялись «Четвертые Сергеевские чтения», в которых приняли участие преподаватели университетов и пединститутов из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Белгорода, Беслана, Горького, Даугавпилса, Днепропетровска, Донецка, Ивано-Франковска, Казани, Калининна, Калуги, Караганды, Киева, Львова, Минска, Одессы, Омска, Орджоникидзе, Свердловска, Севастополя, Сыктывкара, Уфы, Фрунзе, Харькова, Черновцов, Элисты, сотрудники академических институтов Москвы и Ленинграда и других научных учреждений. На пленарном заседании присутствовал сын В. С. Сергеева акад. Ю. В. Бромлей. Чтения открыл заведующий кафедрой истории древнего мира В. И. Кузицин. За время работы состоялось 18 заседаний шести секций.

На пленарном заседании выступили 11 докладчиков. В докладе *Г. М. Бонгард-Левина* (Москва) «Индия в античной традиции» была показана эволюция образа этой страны у греческих и римских авторов: у греков сложились отчасти верные этнические и социальные представления об Индии; позднее в поисках ответов на вопросы, вставшие перед духовной культурой в эпоху кризиса античного мира, христианские авторы — современники обожествления Будды, борясь с язычеством, впервые глубоко заинтересовались буддизмом махаяны. *У. Э. Эрдниев* (Элиста) в докладе «Проблема формирования древнегреческой народности» высказал мнение, что в классическую эпоху политическая раздробленность тормозила ее формирование и лишь борьба с Македонией объединила греков, стимулируя экономические и культурные контакты между различными греческими полисами. *Э. Д. Фролов* (Ленинград) в своем докладе коснулся института эсиметии (выборной тирании), подтвержденного эпиграфикой и известного в классическое и эллинистическое время, но имевшего древние исторические корни. В докладе *Г. А. Федорова-Давыдова* и *В. В. Дворниченко* (Москва) «Находки вещей греческого производства в Нижнем Поволжье» было отмечено, что следы греческого импорта в сарматских курганах заметны на фоне влияния разных культурных центров в конце I тыс. до н. э. Докладчики сообщили о находках Поволжской археологической экспедицией чернолаковой керамики, амфор с клеймами, об открытом в 1984 г. интересном погребении I в. н. э. у с. Косики с золотыми пекторалью и браслетом, сделанными на заказ еще для скифской знати и затем многократно переходившими из рук в руки среди сарматской аристократии. *В. Ф. Генинг* (Киев) в своем докладе говорил о закономерности влияния научно-технической революции на гуманитарные науки — историю и археологию: он проследил развитие археологии от ее зарождения до 70—80-х годов XX в., когда на основе использования методов естественных наук стали глубоко изучаться и разрабатываться проблемы хозяйства, этнической структуры древних обществ, методологии. *А. И. Немировский* (Москва) поделился с присутствующими воспоминаниями о В. С. Сергееве. *А. С. Шофман* (Казань) в докладе «Историография и историографический источник в антиковедческой науке» выделил аспекты историографии как истории науки, научной критики и обобщения знаний. Использование не только опубликованных научных трудов, прошедших общественный фильтр, но и архивных материалов, переписки, рецензий, обзоров позволяет более действенно вести идеологическую борьбу с немарксистской историографией. Доклад *П. О. Карыш-*

квского (Одесса) «Новые данные о политической истории Боспора во II в. до н. э.» был посвящен установлению личности правителей Боспора этого времени по нумизматическим данным. Монеты упоминают двух Спартоков (один из которых был отцом царицы Камасарии), а также Перисада — мужа Камасарии, его сына Перисада и еще одного Перисада, воспитавшего Савмака. В докладе *И. П. Вейнберга* (Даугавпилс) «„Царство“ в представлении древневосточного человека середины I тыс. до н. э.» было отмечено, что хронист VI—V вв. до н. э. в отличие от девтерономиста VI в. до н. э., описывающего царства первой половины I тыс. как территориально-политические образования, определяет эти же царства преимущественно как этнополитические (и религиозные) образования, соответственно структуре и самооценке гражданско-храмовой общины, в которой он жил и творил. *А. М. Ременников* (Казань) в докладе «Причины войн племен Подунавья с Римской империей III—IV вв.» отметил, что десятки вторжений варваров были вызваны нехваткой земли из-за роста населения, стремлением захватить рабов и богатства и вернуть захваченные римлянами области, особенно Дакию. *В. М. Строецкий* (Горький) в докладе «Деятельность Фемистокла и внутриполитическая борьба в Афинах в 490—460-х годах до н. э.» конфликт между Фемистоклом и его противниками предложил объяснять следствием борьбы полисной и городской структур на фоне таких черт полисного строя, как корпоративность гражданского коллектива и подчинение меньшинства большинству.

На секции истории древнего Востока было заслушано и обсуждено 19 докладов. В докладе *В. А. Головиной* (Москва) «Некоторые аспекты развития додинастического Египта» было показано, что последний прединастический (герзейский) период демонстрирует ряд явлений в изобразительном искусстве, ремесле, архитектуре и т. п., роднящих его с культурными традициями Месопотамии, причем археологические находки и наскальные изображения допускают возможность контактов через район Красного моря. *С. В. Архипова* (Москва) в докладе «Египет и оазисы Ливийской пустыни в период Древнего царства: становление контактов» пришла к выводу, что в эту эпоху и в первый переходный период контакты с оазисами Харга, Фарафра и Вади Натрун включали торговый обмен продуктов скотоводства оазисов на египетское зерно. Египет был в мирных отношениях с оазисом Харга, через который шел удобный и безопасный путь в Нубию, а при V династии имел административный контроль над оазисом Фарафра. В докладе *Р. А. Гимадеева* (Ленинград) «О некоторых преимущественно восточных фольклорных параллелях к Herodotus II, 141» были приведены параллели (корейские, славянские, германские, малоазийско-греческие и др.), позволяющие утверждать, что в рассказе о нашествии мышей на лагерь ассирийцев Геродот записал бродячий сказочный сюжет, детали которого бытовали в египетской среде, рациональное же зерно надоискать в элементах, которые не сводимы к сказочному сюжету. *А. Н. Темедев* (Москва) в докладе «Аграрные отношения в Египте в эпоху персидского господства (По арамейским текстам V в. до н. э.)» высказал мысль, что Ахемениды существенно не изменили структуру местных аграрных отношений: земли делились на «царские» и «отпущенные», причем источники не позволяют говорить о широком распространении частного земледелия. В докладе *С. Я. Берзиной* (Москва) «Восточноафриканская политика Мероэ и мероитская дипломатия в I—VIII вв. н. э.» основное внимание было сосредоточено на борьбе мероитской кандаки Аманирены с римской администрацией Египта в 25/24—21/20 гг. до н. э. и успехах мероитской дипломатии: договор с Августом сохранил целостность мероитской территории, Додекасохйн управлялся совместно, Август отказался от подаей из Мероэ, а мероитские цари — от титула «Владыки Верхнего и Нижнего Египта», заключенное с Римом торговое соглашение расширило товарообмен между Мероэ и Египтом. В докладе *О. В. Томашевич* (Москва) «Трансформация образа Исиды в греко-римскую эпоху» подчеркивалось, что культ этой богини был одним из каналов проникновения египетских верований в античную, христианскую и европейскую культуру, причем выделяются этапы трансформации образа Исиды: VII в. до н. э., когда с культом познакомились греки; III в. до н. э., когда святилище Исиды появляется в Александрии; максимальное развитие ее культа наблюдается во II—III вв. н. э. *С. И. Грицай* (Ленинград) в докладе «Об интерпретации двух фрагментов коптских гностических сочинений: „Ипостась архонтов“ и „Трактат без названия“ (из Наг-Хаммади)» пришла к выводу о гностическом переосмыслении библейских сюжетов, придавших рассказу об искушении в раю противоположный смысл, так как образ змея-

носителя гносиса получил положительную окраску. Изображение гностической «духовной Евы» не характерно для других текстов Наг-Хаммади (ее слияние со змеем, ареталогическое сходство с Исидой), что автор объясняет влиянием известного в греко-римском Египте представления об Исиде как универсальном женском божестве Средиземноморья. В докладе *Е. В. Кухтиной* (Москва) «Знаки Таро как игровая система» у 22 знаков, связанных с элементами древнеегипетских эзотерических учений, христианства и гностицизма, функционировавших в качестве игры (в Европе с XIII в.), имеющих латинские и греческие названия, были отмечены древнеегипетские параллели. Поскольку в них встроена система знаков Зодиака, выдвинута гипотеза, что и происхождение зодиакальных названий следует искать в данной системе, которая, по мнению докладчика, была ребусно-анаграммным текстом с элементами космологического учения. В докладе *Ю. Б. Юсифова* (Баку) «Локализация страны Аратта шумерских эпических сказаний» на основе летописей Саргона II (где упоминается «река Аратая»), Аргишти I (совершившего поход в «горную страну Алатей») и шумеро-аккадских силлабариев (дающих слову «Аратта» значение «гора») было предложено локализовать эту страну, откуда шумеры получали лазурит и драгоценные металлы, юго-восточнее оз. Урмия, на позднейшей территории Манны, где также добывали лазурит (документ НАВЗ № 1240 и сведения Хамдаллаха Казвини). В докладе *В. Г. Ардзинба* (Москва) «Из наблюдений над § 168 таблицы II Хеттских законов» на основе нового перевода упоминание необходимости «очищения поля» трактовано как возмещение ответчиком материального и ритуального урона, ибо состав возмещения (овца, 10 хлебов, кувшин пива) имел жертвенный характер. Связь ритуального и материального возмещения органична, так как поле, по древним представлениям, было «частью тела владельца». Автор нашел аналогии с хеттскими законами в обычном праве ингушей, а в образе весов их хеттского судебного ритуала усмотрел сходство с весами Осириса, Зевса и Фемиды. *Д. Г. Редер* (Москва) в докладе «Экономическая структура Муцадирского храма» отметил, что захваченные Саргоном II в Муцадире богатства (714 г. до н. э.) не соответствовали местным экономическим ресурсам, ибо этот храмовый город лежал в горной местности, малопригодной для интенсивного сельского хозяйства. Богатства были накоплены в основном благодаря пожертвованиям, особенно урартских царей. На экономическую отсталость Муцадира указывает малое число железных изделий во дворце и их отсутствие в храме, хотя в последнем могло действовать и «табу» на железо. В докладе *С. С. Соловьевой* (Москва) «Государственные договоры в позднеассирийской дипломатической практике» были рассмотрены договоры Шамши-адада V, Адад-нерари III с Вавилоном, упоминавшиеся в «Синхронистической истории», договоры Ашшур-нерари V с Матиилу (царем Бит-Агусту), Ассархаддона с Ваалом (царем Тира), с семьей мидийскими князьями, Ашшурбанапала — с египетскими правителями, царями восточносредиземноморского побережья, юго-восточных областей Малой Азии, Лидии, с правителями Элама и арабскими шейхами, а также договоры с древними великими городами Ашшуром, Вавилоном, Ниневией, Ниппуром, подтверждавшие их привилегии и вольности, освещена протокольная сторона договоров и их гарантирование. В докладе *Н. М. Никулиной* (Москва) «Эгейская печать из коллекции В. В. Павлова» анализировалась не изданная, не атрибутированная сердоликовая печать с изображением оленя, которую докладчик предлагает датировать классическим этапом эгейской глиптики (период ПМ_{II}). Параллели связывают изображение с памятниками монументальных и малых форм, продолжавших в ПМ_{II} традиции классического этапа (СМ_{III} и ПМ_I). Доклад *В. А. Гайбова* и *С. В. Исвикова* (Москва) был посвящен стационарным работам Среднеазиатской экспедиции ИА АН СССР, МГУ и ТГУ под руководством Г. А. Кошеленко на памятниках Чильбурдж и Гёбеклы. Обследования показали, что Чильбурдж не был типичной парфянской крепостью; хотя ранние слои Гёбеклы датируются парфянским временем, не исключено, поскольку раскопки не завершены, что памятник относится к более раннему времени. На парфянских прямоугольных башнях и стенах возведены сасанидские укрепления, поздние слои памятника относятся к V—VII вв., а не к III в., как считалось раньше. В докладе *А. Б. Никитина* (Москва) и *А. Ю. Согомонсва* (Владимир) «Итоги археологических разведок в Мервском сазисе» были сообщены результаты исследований 1980—1984 гг. в его северной части (Чаган-Депе, Дурнали, Гёбеклы и др.), выявивших парфянские, сасанидские и средневековые слои. Доклад *С. П. Полякова* (Москва) и *У. Ч. Пулатова* (Душанбе)